

Некоторые биографические сведения о Н. И. Ашмарине. Его семья.

По словам Виктора Николаевича, сына Н. И. Ашмарина, дед отца – Федор – был крепостным крестьянином. Но, как рассказывал отец, был сноровист, и барин, очень богатый, послал его заниматься «красным товаром». По соседству было имение почти разорившегося помещика. К нему прадед Федор и обратился с просьбой покупки его семьи, но с условием, что барин даст ему вольную. Для бедного барина это была находка. Купчая состоялась, а также и вольная. После этого прадед Федор оставил Ярославскую губернию и перекочевал в Казанскую, в уездный город Ядрин.

Здесь, в Ядрине, 4 октября 1870 года, и родился Н. И. Ашмарин.

Вскоре после рождения Николая Ивановича семья переехала в город Курмыш. Окончив городское училище, Ашмарин поступил в Нижегородскую классическую гимназию. По окончании в 1891 г. гимназии он поступил в Московский Лазаревский институт восточных языков, который окончил в 1894 году с дипломом 1-й степени.

«Наш дед Иван Федорович, – пишет Виктор Николаевич, – в Ядрине открыл небольшую торговлю, но проторговался. Все было продано с молотка, а также выдворен из своего дома (это было уже в Курмыше, куда переехали из Ядрины). Он умер в то время, когда наш отец был студентом в Москве, в институте восточных языков имени академика Лазарева. После смерти деда осталось десять детей: семь сыновей и три дочери. Наш отец был старшим, и он помогал братьям и сестрам, а еще и мачехе. Только гигантское трудолюбие позволило отцу выходить из сложных житейских коллизий и создавать полезное и нужное для чувашского, татарского и других народов в области языковой культуры».

Немалый интерес представляет рассказ Виктора Николаевича о матери, о себе и родных братьях. По его словам, в обстановке дореволюционной России отцу не разрешали брак с матерью, так как она была «крестьянской девкой». Она осталась пятилетней сиротой и воспитывалась в людях, а с десяти лет была отдана в ученицы на небольшую фабрику в Казани.

Что касается самого Виктора Николаевича, то ему сейчас 81 год (это было в 1990 г.). Он инвалид ВОВ, ветеран труда. «В своем труде я сделал не одно открытие, усовершенствование, а остался «левшой» Николая Семеновича Лескова, – горестно констатирует он. – Брат Борис создал нашу современную мебель, был представлен к государственной премии. Жил в одной комнате всей семьей, умер от туберкулеза. Старший брат Петр сделал немало в селекции зерновых, но встретил врагов, если вспомните судьбу и великого Н. И. Вавилова. Брат Константин был авиаконструктором. Создавал интересные и нужные усовершенствования. Начальник овладел ими. Заболел Костя – и отправили его на пенсию, на 16 рублей теперешними».

Одна из дочерей Н. И. Ашмарина, если мне не изменяет память, Надежда Николаевна, в пятидесятых годах работала машинисткой в Министерстве просвещения Чувашской АССР. Были еще две дочери: Вера, 1919 г. рождения, ушедшая из жизни в апреле 1954 г., и Людмила, 1927 г. рождения, с детских лет страдавшая эпилепсией [НА ЧИГН, отд. IV, ед. хр. 707, № 1637].<...>

СНОВА В КАЗАНИ

Венцом творческой деятельности Н. И. Ашмарина, делом его жизни является Чăваш сăмахĕсен кĕнеки – Thesaurus Linguae tschuvaschorum – Словарь чувашского языка, над которым он работал почти всю свою сознательную жизнь. Начав собирание материалов юношей, он так и не увидел напечатанными все книги (выпуски) своего Словаря – Н. И. Ашмарин скончался 26 августа 1933 года. До VII выпуска словаря к печати были подготовлены самим автором.

Идея создания «Словаря чувашского языка» у Н. И. Ашмарина возникла на рубеже XIX-XX столетий. Став членом-сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, он в 1900 году обратился к чувашам с «Программой составления чувашского словаря», которая была доложена общему собранию Общества в 1899 году и завершалась следующими словами: «Даже за самые и краткие и мелкие сообщения я буду безгранично благодарен. В заключение припомню чувашскую поговорку, которая гласит: «Халăх сурать – кўлĕ тăвать, пĕр сын сурать – типсе пырать» [Известия Общества археологии, истории этнографии. Казань, 1900. Том XVI. с. 243-248].

Годы жизни Словаря подтвердили замысел автора придать ему общенародный характер. Каждый чуваш принимает Словарь Н. И. Ашмарина близко к сердцу: в нем он находит не только искомое слово, но и название своей деревни, родной речушки, близкой роши, узнает места, связанные с первыми шагами своего детства, а также зрелой жизни. В Словаре множество архаизмов, сказаний старых времен, пословиц и поговорок, притчей и, конечно, песен – грустных и унылых, веселых и озорных, выражающих саму жизнь, пережитые чувства и настроения. В нем не только старое словарное богатство чувашского народа, в нем содержатся также указания на тенденции словообразования в послереволюционное время.

Вот что пишет о тернистом пути и своеобразии этого Словаря крупнейший тюрколог С. Я. Малов, который имел счастье быть сослуживцем Н. И. Ашмарина в Казани: «После долгих лет составления «Словаря чувашского языка» начал печататься в Казани в 1910 году в изданиях Переводческой Комиссии при Управлении Казанского учебного округа. В этой серии Н. И. Ашмарину удалось издать два выпуска своего Словаря: вып. I, Казань, 1910 г., вып. II, Казань, 1912... Надо думать, что большое содействие к изданию Чувашского словаря оказал проф. Казанского университета Н. Ф. Катанов, который был тогда председателем

Переводческой комиссии... Чувашский Словарь Н. И. Ашмарина начал издаваться с русским и латинским переводом. В латинском предисловии к первому выпуску своего Словаря Н. И. Ашмарин очень тепло отзывался о большой помощи для Словаря своего учителя академика Ф. Е. Корша и известного деятеля по просвещению чуваш И. Я. Яковлева. На этих выпусках и прекратилось издание Словаря в этой серии. В советское уже время, когда Чувашия была выделена в 1920 г. в виде Автономной области, а затем в 1925 г. была преобразована в республику, Чувашский словарь опять начал издаваться в издании Народного Комиссариата по просвещению, были вновь перепечатаны 1-й [Казань, 1928 г.] и 2-й [Казань, 1929 г.] выпуски. В них чувашский текст продолжает сопровождаться как русским, так и латинским переводом. В 3-м выпуске [Чебоксары, 1929 г.] латинский перевод уже выпущен, постепенно сокращается и русский текст, который затем остался только для перевода основных чувашских слов, вся же фразеология оставлена без перевода. С 6-го выпуска Словарь печатается Чувашским научно-исследовательским институтом социально-культурного строительства [вып. 6-й, Чебоксары, 1934 г.]. В этом шестом выпуске Словаря помещен портрет Н. И. Ашмарина, для того времени уже покойного, и небольшое «Вместо предисловия» от Чувашского научно-исследовательского института, где даются некоторые сведения о Словаре и, кроме того, дан алфавит и объяснение знаков... Как до Словаря Н. И. Ашмарина, так и при его печатании в течение многих лет, мы имеем печатные чувашско-русские и русско-чувашские словари. Но все они, прекрасные и полезные сами по себе, не могут сравниться с Словарем Н. И. Ашмарина... Чувашский словарь Н. И. Ашмарина отличается от всех словарей: прежде всего своей полнотой, т. е. числом слов и обширной фразеологией: это – живой словарь... Слова Н. И. Ашмаринным брались как из живой речи и из области домашнего обихода, так и из народного фольклора, в последнем случае нередко из области шаманских легенд, сказаний и молитв, т. е. из той области, которая безвозвратно уже ушла в область прошлого и сохранена для науки нашим автором. Включены им в свой словарь в обильном количестве детские слова, не опустил он и слова непонятные и неизвестные; все они нашли место в его «Сокровищнице чувашского языка» (см. латинское название словаря Н. И. Ашмарина)...

В историю тюркологии Н. И. Ашмарин войдет как крупное лицо, как выдающийся деятель науки. Он один охватил во всем объеме изучение чувашского языка. И мы долго еще не получим исследователя чувашского языка с таким широким кругозором» [Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Записки, вып. 1. Чебоксары, 1941, с.136-140].

Мы теперь хорошо знаем, какую ценность представляет лексика, имеющаяся в корпусе 17-томного Словаря, но вряд ли многие знают, каким трудом собрано все это богатство. Вот что писал сам Ашмарин в работе «Кое-что о «Словаре»: «Не буду много говорить о том, какого труда и скольких распросов стоило мне определение подлинного значения многих

чувашских слов; как трудно найти людей, хорошо знающих свой язык, и как мало лиц, близко знающих быт, верования и предания своей родины. Скажу без преувеличения, что иногда десятки лиц были опрошены мною по поводу единого лишь чувашского слова» [НА ЧИГН, отд. IV, ед: хр. 13, инв. № 4, л. 5].

Надо думать, что по первоначальному плану Словарь чувашского языка должен был выйти за рамки чувашского языка, охватывая сравнительную лексику из соседних тюркских и финно-угорских языков, но Н. И. Ашмарин по-настоящему сожалел, что разные обстоятельства помешали ему «обратить должное внимание на сравнение чувашского языка с другими языками турецкого (тюркского. – М. Ф.) и финно-угорского корня, а также с языками иного происхождения, но смежными по территории с языком чуваш. Эта сторона изучения языка представит в будущем обширное и интересное поле для других работников в области тюркологии и финнологии» [там же, с. 5-оборот].

Пользу такого сравнительно-исторического изучения чувашского языка Н. И. Ашмарин видел прежде всего в том, что, например, марийский язык, «так широко черпавший в чувашском словаре, сохраняет в себе до сих пор некоторые чувашские речения, которые у самих чуваш, по-видимому, уже исчезли из разговорного обихода. В этом же языке мы нападаем на следы древнейшего чувашского звукостроя» [там же, л. 5, 5-оборот, 6]. Можно было бы говорить о Словаре еще и еще и приводить высказывания других ученых – и все это было бы к месту, – но самым главным определителем ценности Словаря является время. По мере удаления Словаря от исходной точки, по мере освоения **Сокровищницы чувашского языка** постепенно растет его научное значение и практический интерес к нему.

Путь Словаря к чувашскому народу был тернистым. И тернии исходили не от автора. Нарушались условия договора, главным образом, календарные сроки выхода в свет очередных томов (выпусков). Издатели ставили разные условия: что-то сократить, что-то выкинуть из рукописи. Для такого авторитета, как Н. И. Ашмарин, подобного рода властные требования, возможно, казались унижительными. Но вскоре борьба за индустриализацию и всеобщую коллективизацию оглушила и ученых, и крестьян, и рабочих. В последующих томах Словаря уже нет «нежелательной лексики».

Тем не менее работа над Словарем продолжается. Из письма Т. М. Матвеева [от 6 апреля 1930 года], научного сотрудника сектора науки и культуры Наркомпроса Чув. АССР, видно, что первые четыре тома Словаря рассылаются по разным внутренним и зарубежным адресам.

Дальнейшая медлительность издания Словаря Н. И. Ашмарина сопровождалась причинами несколько иного характера. Обращает на себя внимание письмо Т. М. Матвеева от 12 января 1930 года, в котором он призывает Н. И. Ашмарина к дальнейшей разгрузке Словаря от нежелательной лексики: «В целях ускорения дела подготовки материала надо устранить все второстепенное, как-то: личные имена, в особенности христианские. Они занимают в словаре значительное место, между тем в

научном отношении не представляют почти никакой ценности. Затем надо сократить названия деревень и пр., в особенности малозначительные, также не увлекаться фонетическими разновидностями слова, а также большим количеством примеров... Обо всем этом приходится говорить потому, что добывание средств на издание словаря сопряжено с громадными трудностями... В наше время вопросы индустриализации, конечно, выше вопросов словарных».

Говоря честно, в издательском деле во все времена существовало и существует «хождение по мукам». Исключения не представлял и Н. И. Ашмарин, который немедленно почувствовал, что к его Словарю в Чебоксарах отношение другое. В связи с этим исключительный интерес представляет письмо Н. И. Ашмарина в Чувашский НИИ от 3 апреля 1933 года за несколько месяцев до его кончины. Приведу его полный текст, тем более что оно никогда не было опубликовано.

«Глубокоуважаемый Иван Ефимович! Корректуры словаря до сих пор не получаю, и не знаю, в чем собственно дело. Мой сын, побывавший не так давно в Чебоксарах, передал мне, что ему там сказали (Ф. Т. Тимофеев?), будто в этом году предполагается напечатать только 1 выпуск, может быть, и 1/2 выпуска, так как у Института есть «другие работы» и, ввиду ограниченности представленных ему для печати листов, с печатанием Словаря придется повременить (!) Если это так, то зачем было огород городить? Зачем было нужно давать обещания, и писать договор автору? Для того, чтобы сплавить его из Чебоксар и избавиться, от докучного составителя Словаря? А между тем, на том собрании, в котором участвовал заведующий ГИЗом и нарком просвещения, было решено определенно, что будут приложены все старания к тому, чтобы напечатать не только 2, но даже 3 выпуска.

Я вижу тут какие-то закулисные влияния. Извините, если я выражаюсь так.

Вспомните ту фразу, которую Вы сказали мне, когда мы встречались на лестнице в Институте. Эта фраза дает мне возможность надеяться, что Вы войдете в мое положение и защитите меня и мой многолетний труд от различных покушений.

Усерднейше прошу написать мне несколько строк по этому вопросу или уведомить меня официально.

Мое здоровье все ухудшается. Появились какие-то судороги в ногах и в руках, чего раньше совсем не было. Работать трудно.

Жду вашего ответа. Желаю Вам всего лучшего.

С совершенным к Вам уважением Н. Ашмарин.

Постскриптум. Едва ли нужно добавлять, что во всем этом деле меня интересует скорейшее издание моего труда, а не один только денежный вопрос, который, если Вы мне поверите, всегда интересовал меня лишь в меру крайней необходимости. Деньги за Словарь я получаю, но мне нужно видеть его напечатанным, – вот чего я всегда добивался!».

Старые люди еще помнят страшный 1933 год, когда индустриализация страны по-сталински привела к миллионным жертвам прежде всего среди крестьян. Средняя Волга тоже голодала.

О тяжелом материальном положении семьи Н. И. Ашмарина писала его жена, Ксения Логиновна, в Чувашский научно-исследовательский институт: «И мой муж, будучи преклонных лет и обременен большой семьей, оказался в весьма критическом материальном положении; пишет словарь для Вас, а кушать нечего, и дети голодают. На мужа нельзя без грусти посмотреть: сидит за столом как тень и все пишет. Спасая свою семью и мужа, я уже продала очень много вещей, даже самых необходимых; теперь продавать нечего, и я вынуждена была Вам написать...»

У меня нет желания завершать очерк на грустный лад, но такова история жизни Н. И. Ашмарина, и мы ей должны быть верны. Сын Виктор оставил такие печальные строки: «Когда папа лежал уже на смертном одре, мама заняла у соседки денег и послала меня в Чебоксары, чтобы получить папин гонорар. Письменные просьбы о высылке по почте гонорара не влияли на руководство НИИ. Мне также не выплатили, объясняя отсутствием денежных средств. Мои убеждения в том, что в каком состоянии я оставил дом, на них не подействовали» [НА ЧИГН, отд. IV, ед. хр. 707, инв. № 1637, л. 3-4].

Пять выпусков Словаря вышли в свет при жизни автора, а шестой появился уже после его смерти в 1934 году. До завершения всех выпусков Словаря оставалось еще много лет. Последний, семнадцатый, выпуск увидел свет лишь в 1950 году...

Федотов, М. Р. Н. И. Ашмарин : краткий очерк жизни и деятельности / М. Р. Федотов. – Чебоксары, 1995. – С. 3-4, 18-22.